

ПУСТЫРЬ

Рассказ

На нашей улице, вернее, пустыре была одна достопримечательность: удостоенная большой железной подковы синяя калитка, за которой жила первая в поселке красавица.

Про великанскую подкову с выбитыми на ней клеймом, цифрами и непонятными нерусскими буквами говорили, что почтальон, дотронувшись до нее, поймал руками полуметровую красноперку, а у прохожей бабки – прошел радикулит.

Что касается красавицы, то еще когда она ходила в детсад, стоило ей показаться, начинало твориться что-то невообразимое. Играли ли мы в футбол, или просто кидались друг в друга камнями, весь пустырь начинал кричать, хохотать, валиться на траву, как ненормальный. Никто уже не думал, как забить гол или попасть булыжником в чужую голову: все хотели только, чтобы Лиза обратила на них внимание. Но она не обращала.

Постепенно выделились смельчаки, не побоявшиеся объявить о своей любви к ней во всеуслышание и всевидение. К общему удивлению, первым это сделал увалень Бацилла, который даже во время перемен тихо решал задачи.

В январе он возвел возле дома снежную крепость. Если б он построил ее просто так, никого бы это не возмутило. Хочешь мерзнуть в ледяных стенах – пожалуйста! Не мешай только другим сидеть на печке!

Но Бацилла сажей обозначил на пухлой крепостной стене некую геометрическую фигуру, принятую сначала за череп, пока силач Дугорев, который после уроков тоскливо брел постигать музыкальную грамоту, и задиристый темнокудрый Бойков одновременно не догадались, что траурное полукружие изображало никакой не череп, а Лизкину подкову.

До сих пор красавица с длинной белокурой косой считалась как бы общим достоянием всего пустыря. И вдруг Бацилла решил это коллективное сокровище присвоить.

Когда он в очередной раз укрылся в холодном убежище, может, для того чтобы в безопасности погрузиться в разные формулы и уравнения, пустырь открыл по нему массиванный огонь снежками, а потом взял крепость приступом.

Бацилла даже не сопротивлялся. Разгоряченные победители повели себя не лучше других захватчиков крепостей. Особенно неистовствовали Бойков и Дугорев. Они не только сровняли с землей белые, с потерянной в них черной подковой стены, но и стащили с погруженного в вычисления Бациллы штаны и набили их снегом.

А весной не кто иной, как Бойков начал старательно выводить палкой на сугробах имя Лиза, а рядом рисовал подкову, подозрительно смахивавшую на размашистое сердце. Но так же при-

Вечеслав Казакевич родился в 1951 году в Беларуси, в поселке Бельничичи Могилевской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор семи книг стихов и четырех книг прозы, последняя – «Избранники реки» (2022). В переводе на японский язык вышла книга эссе 落日礼讃 («Rakujitsu raisan», «Прославление заката»). Стихи и проза печатались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион» и др. С 1993 года живет в Японии. Преподавал в Осакамском университете иностранных языков, профессор университета Тояма.

лежно белоснежное имя Лиза и закоченелое сердце были к завтрашнему дню неразборчиво затоптаны.

Бойков обвинил в этом Бациллу и, хотя сугробы с каждым днем убывали, пригрозил снова доверху набить ему штаны снегом. В ответ неожиданно вставший на сторону Бациллы баянист Дугорев с некоторым злорадством уверял, что сугробные признания в любви собственноручно, точнее, собственноручно затаптывала сама Лиза.

О третьем влюбленном стало известно летом. Возле подкованной калитки ночью внезапно появилась гора цветов. Не букет, не букетище, а настоящая гора! По крайней мере, пригорок точно. Каких только рослых с протяжными тонкими телами и нежными именами существ не собралось здесь! Ветреные анемоны, нежные ирисы, розовощекие мальвы, пионы...

Разумеется, цветы возложили к ногам калитки не ради нее, а ради той, кто таинственно и прекрасно обитал за ней, не замечая ни возведенных в ее честь оледенелых замков, ни исписанных в угоду ей сугробов.

Родители Лизы с негодованием выбросили не дававшие проходу цветы в канаву. И пустырь, присвистнув от такого количества погубленных цветочных жизней, долго и глубокомысленно обсуждал, из каких палисадников на соседних улицах все это добро было похищено.

– Махровые негодяи, – косясь на растения, занявшие его любимую канаву, бормотал отец Бациллы, возвращаясь в обычном подпитии из пожарной части. – Я вас всеми фибрами души ненавижу!

Несчастные белые и красные, голубые и зеленые не принимали его слова всерьез. Пошатающаяся пожарная часть несомненно имела в виду злодеев, которые безжалостно похитили их с чужих участков, срезав ножницами покорные стебли под самый корень.

Но мы знали, это сделал один человек. К синей калитке змеился вдавленный в землю след тачки, на которой, как тяжелораненого, свесившего за железный борт растрепанную благоухающую голову, привезли охалку цветов. Одноколесная тачка была лишь у Дугоревых.

Едва определились имена влюбленных, между ними вспыхнула настоящая война, за которой все, начиная от скрипучей железной колонки, кончая кроткой травой, следили, затаив скрип и молчание. Не каждому пустырю суждено превратиться в поле сражения!

Кто-то раздобыл потрепанных «Трех мушкетеров», прочитал сам и, не задумываясь о последствиях, пустил книгу по рукам. Назад мушкетеры к нему не вернулись, слишком опасным местом стал для них наш пустырь.

Бойков нашел железный прут, оплел рукоятку шнурком и сделал гарду из крышки от консервной банки. Клинок он заострил напильником, но, опасаясь проткнуть противника насквозь, согнул острие крючком.

Первым он вызвал на поединок ученика музыкальной школы. Дугорев, бросив терзать баян, выбежал за ворота с абсолютно не подходящей для его музыкальных пальцев здоровенной дубиной и гнал Бойкова до самой улицы Ленина.

Бацилла вышел против металлического прута с деревянной шпагой, выструганной даже не из твердой древесины, а из мягкой сосновой доски. Уклоняясь от резкого выпада, он нехотая присел, и стальной прут вошел прямо в его широко открытый рот. Испуганный Бойков, как из ножен, выдернул из чужого горла крючковатый клинок, и Бацилла, обливаясь кровью, рухнул на траву.

Радостно мы взвалили его на дощатые носилки и поволокли в больницу. Жалея раненого, втайне все были удовлетворены, что в дуэлях за красавицу не оказалось победителя. Не считать же триумфатором Дугорева, бегавшего по райцентру с дубиной, как неандерталец!

Мы шагали с самым скорбным и суровым видом, молча сообщая встречным, что пока они мирно разбредаются по забегаловкам, у нас в полную силу идет кровопролитная война.

– Поздравляю! – сказал толстый хирург в белой шапочке. – Вы ему гланды удалили!

Постепенно мы перестали как бы ненароком трогать ржавый амулет на груди синей калитки. Если только незаметно, тайком. Отец Бацилла сказал, что это просто старая немецкая подкова, которую в войну потерял какой-нибудь махровый першерон, таскавший за собой длинноногое орудие или полевую кухню.

Это разоблачение, хоть и убавило у подковы притягательности, не лишило ее до конца обаяния. Даже слово «першерон», на которое – стоило его произнести! – вскакивал фон-барон, странным образом отдавало чем-то волшебным.

К восьмому классу Лиза считалась главной красавицей всего района. Завуч школы, писавший стихи, сказал, что в ней появилось что-то царственно-величавое. Откуда эта величавость появилась у той, кто родился на безвестном пустыре, казалось чудесной загадкой.

«Она сто раз на дню до подковы дотрагивается! Вот и все!» – неодобрительно говорили девочки. Мы в такое объяснение не верили, но про себя признавали, что за свою жизнь красавица и вправду могла пусть даже случайно прикасаться к подкове тысячи раз. Если не больше!

Бойков, Бацилла и Дугорев не только помирились, но слились в одно, что бывает от полной безнадежности. Они перепортили неизвестно сколько бумаги, прежде чем сочинили и решили передать Лизе глупейшую записку: «Мы тебя любим! Кого хочешь, выбирай!» И, якобы зашифрованно, а на самом деле с намеком подписались: «Бой, бац, горе».

– Подкинем ей записку домой, – сказал Бойков.

– В почтовый ящик? – уточнил наивный Бацилла.

– В ящике родители прочитают. Бросим в окно или в форточку!

Бойкову явно не терпелось изведать все мыслимые и немыслимые испытания, выпадающие на долю влюбленных. Может, он надеялся, что предстоящие риски и трудности отпугнут Бацилла и Дугорева, и у него не останется соперников.

Поздно вечером они бесшумно подкрались к вожаденной калитке. Месяц, прибитый к небу, посылал ослепительный привет немецкой подкове. Горячо умоляя штaketник не трещать, троица перелезла во двор, наполненный обычными хвощами и пыреем.

От горящего окна на траве выделялся прямоугольник света. Хвощи, попавшие в него, составляли светское общество. Угощаясь росой, они толкали друг друга мягкими локтями: «Что за болваны, пахнущие потом, прыгнули к нам? Кто их приглашал?»

Тревожное внимание незваных гостей привлекали два темных окна. Казалось, в них вставлены не стекла, а глянцево-черная ночная вода, из которой способно было выплыть всё что угодно. Например, белая лошадь, что днем брела без упряжки к Ивановым. Или красный мотоцикл, на котором восседал отец Бойкова, в отличие от других никогда не ходивший пьяным, только ездивший.

А еще из зыбкой прямоугольной тьмы могла вынырнуть, как русалка, сама Лиза и, не подзревая о трех соглядателях, выдававших себя за ветер и шуршащих во дворе, начала бы раздеваться.

Действительность, как обычно, оказалась хуже ожиданий. За теряющимся во мраке углом дома внезапно загрохотала невидимая цепь, и с душераздирающим рыком во двор ворвалась звенья не ниже человека ростом, с глазами, горящими, как подфарники. Непонятно, когда родители Лизы завели эту гремучую собаку. Может, прямо накануне, узнав о предстоящем к ним визите.

Пушинкой Бойбацгоре перелетело через штaketник на улицу. Как оно при этом не поседело или вообще не лишилось волос, уму непостижимо.

– Видали клычищи? – клацнув зубами, спросил Бойков, когда их отнесло от заветной калитки минимум на сто метров.

– А глазищи? – с дрожью ответил Дугорев.
Сказочные звери охраняли неприступную красавицу.

За бумажным веком наступил век пара. У безнадежных женихов возникла новая идея. Завороженные несбывшимся видением, связанным, естественно, не с конями и мотоциклами, они собрались вновь подобраться к окнам, только к другим.

По субботам семья Лизы отправлялась вечером в районную баню. Тройка воздыхателей договорилась подкрасться к окнам женского отделения и увидеть Лизу совсем без ничего, может, с одним только жестяным тазиком в руках.

Вновь стояла – хотя почему стояла? – конечно, лежала зима. Под фонарями по сугробам, сверкая и переливаясь, бегали полчища огненных муравьев, переселяющихся к нам из Бразилии. По-русски они знали лишь одно слово – Лиза.

Окна бани выходили на задворки и были до половины закрашены снизу белой краской, защищавшей посетителей от любопытных пешеходов. Но для тех, кто летал на крыльях, воробьиных или орлиных, тем более на крыльях любви, никакой помехи эта краска не представляла.

Не подозревая, что они становятся уайеристами – таких тарабарских слов на пустыре не слышали! – влюбленные подтащили к окну зазевавшийся и не схоронившийся от них под снегом деревянный поддон и, пыхтя, взгромодились на него. Бойков начал водить по вспотевшему стеклу варежкой.

– Шире протирай! – прошептал Дугорев.

Багровая, невероятных размеров женщина, настоящая великанша, как им показалось, свирепо воздев кулак, направилась прямо к окну, к которому прижались три бледных носа.

Бойков на пару с Дугоревым свалились в сугроб.

Бацилла, чувствуя, что огненные муравьи переселились к нему под одежду и бегают по всему телу, наконец, дрожащими пальцами пристроил к переносице очки, всмотрелся в банное помещение и рухнул в снег вслед за товарищами.

Не сговариваясь, они бросились бежать, пока баня не осталась дальше звезд.

– Что видел? – поинтересовались напарники у Бациллы.

– Фигу, – горестно признался он. – Она мне кукиш показала!

Весь пустырь вздохнул с облегчением. По нему уже гуляли обнаженные женщины. На каникулах мы играли в карты с фотографиями разных теток. Но это были просто кусочки картона, изображавшие не конкретных женщин, а абстрактные шестерки, семерки и прочее. Хотя и их было интересно разглядывать. А тут наша гордая красавица!

Язык не поднимался сказать – голая Лиза! Кто угодно мог быть голой, а она не могла. Тем более с мочалкой в руках. Смутно и потрясенно мы сознавали, что есть даже голая правда, а голой красоты не бывает.

И все же пустырь обреченно предчувствовал, что от трех многолетних и упорных ухаживателей Лизе никуда не деться. Вопрос был только в том, с кем ей будет лучше. О счастье женихов мы не думали – понятное дело, они будут рады до ушей! – а вот с кем ей будет хорошо, вызывало споры.

Шансы Бациллы были минимальны. Какая полоумная выйдет замуж за человека с таким прозвищем? Однако находились и его приверженцы:

– Он спокойный – раз! Не будет ее обижать. Станет расчеты делать в секретном институте, ордена получать...

– Бойков ей под пару! У него кудри, как у Пушкина, – настаивали другие. – И гланды удалил... – вспоминал кто-то.

– При чем тут гланды? – резонно вопрошала оставшаяся часть пустыря. – У Дугорева абсолютный слух, пойдет в консерваторию, по всему миру начнет концерты давать и ее с собой возить!

Первый концерт Дугорев, как положено, устроил на родном пустыре.

– Сколотим джаз-банду, – предложил он, – и, когда стемнеет, пройдем с музыкой от колонки до подковы!

О, мы прекрасно понимали, ради кого затевается необычное шествие, чей нежный слух мы должны были привлечь в первую очередь! И в банду всегда были готовы сколотиться.

Своими абсолютными ушами баянист не просто услышал наши лучшие чувства, но нашел средство, как любой из нас мог рассказать о них той, кто обитал за калиткой с подковой.

В назначенное темное время собралась куча народа. Явились даже близнецы Осиповы, которые жили так далеко, что порой с вызовом причисляли себя не к уроженцам пустыря, а к жителям Новостроительного переулка.

На груди Дугорева с блеском возвышался баян. Бацилла наперевес держал гитару, на которой хотел научиться играть. Бойков вооружился алюминиевым рупором, который тщетно разыскивал школьный физкультурник. Кто-то притащил обширный бубен, обтянутый такой толстой непробиваемой кожей, что она несомненно принадлежала раньше слону; другой – балалайку без одной струны; у остальных имелись крышки от кастрюль и ложки, самодельные камышовые дудки, глиняные птички-свистульки и просто два пальца, способные пересвистать какую угодно натуральную птицу.

Дугорев повелительно мотнул головой, и неслыханная музыка двинулась от потрясенной колонки к пораженной калитке. Растягиваясь и изгибаясь, как поезд, идущий по сопкам, зазвучал баян, громче шпак и мечей залязгали кухонные принадлежности, заверещали во все свое длинное продырявленное горло полые стебли камыша, а вырвавшийся из обруча небытия мертвый слон потряс землю громовой поступью и звоном надетых на него бубенчиков.

Но это еще не все! В качестве сопровождения выступали испуганные собаки, проснувшиеся младенцы, загоравшийся в окнах свет и махровая-премахровая луна, густо забрасывавшая нас умопомрачительными лепестками.

Бойков воздел к небу рупор, и все подхватили вслед за ним:

Я иду по Уругваю,
Ночь – хоть выколи глаза,
Слышны крики попугаев
И мартышек голоса.

Наверно, в нашем оркестре ора было больше, чем неизвестного кестра. Но, как уже говорилось, в нем участвовал весь пустырь без единой репетиции, а попробуйте с первого раза согласовать друг с другом закопченную крышку от кастрюли и открывающую маленький рот божью коровку, соединить деревянное тело гитары с зеленым лопухом.

Только какими бы дикими и варварскими не казались небу наши крики и громохание, это был голос нашего пустыря, и ничего, кроме отчаяния и любви, в нем не было.

Приехала милиция. Первым делом она изъяла алюминиевый, а может, жестяной рупор. Вторым – оглушительный бубен. Бесспорно, рупор мог пригодиться во время праздников и демонстраций, чтобы пугать людей и ворон. Но зачем милиционерам понадобился бубен с медными бубенчиками, никто не понимал. Высказывались предположения, что его хотят применять для гипноза во время допросов.

Отец Бациллы с обычной присказкой про фибры души и махровых негодяев – неизвестно, включал ли он в их число луну! – посек гитару топором.

Дугорев поступил в институт культуры. Бойков – в военное училище. Только Бацилла никуда не поступил – так и остался Бациллой! – и начал пить на пару с отцом, пока в одну из пьянок не отправил фибровую отцовскую душу на тот свет и не сел в тюрьму.

Лиза вышла замуж за лейтенанта Бойкова. Он приезжал в отпуск на машине, в багажнике которой всегда стоял ящик водки. Майор Бойков умер от цирроза печени.

Завотделом районной культуры Дугорев шел с собрания не по тротуару, занесенному сугробами, а по дороге, и его задавил пьяный водитель. Надо признать, что и Дугорев был подвыпивший.

Оторопело мы увидели, что наша красавица была бы несчастлива, за кого бы из троих она ни вышла. Громадная железная подкова с колдовскими цифрами и буквами никакого счастья ей не принесла.

Проще всего это объяснялось тем, что подкова была немецкой, принадлежала не нормальной лошади, а першерону, приколочена не к порогу, а к калитке, да еще покрашенной в синий цвет, хотя большинство калиток у нас брякало и болталось некрашеными; и сама Лиза, боясь дотрагиваться до старой пыльной железяки, подозрительно смахивавшей на череп и чье-то заржавленное сердце, никогда к ней не прикасалась.

Но все это уже мало волновало тех, кто выжил на пустыре, и в одном строю с чертополохом и крапивой, в ногу с бабочками и червяками, с выколотыми глазами брел по Уругваю под истошные крики попугаев и мартышек.